

ПОЙМАТЬ ВЕТЕР

Он был нелеп. До смешного жалок, трогательно уродлив. Птенец. Чей? Я даже не сразу понял. Голенастые ноги неуверенно несли тщедушное тельце. Глупая голова с жиденьким пушком на макушке двигалась вперед-назад в такт шагам.

Он, наверное, с крыши упал, сказала ты и принялась ловить пегое недоразумение. Птенец не хотел даваться в руки. Ты сосредоточенно вышагивала, повторяя его лишь на первый взгляд бессмысленные перемещения. Мимо проходили люди, в лужах раскачивалось белесое небо. Мне надоело наше топтание на одном месте, я быстро наклонился и прижал теплую плоть к брусчатке. Поднял. Недоразвитые коготки елозили по коже,

бесперые крылья тщетно пытались высвободиться.

Дай, сказала ты, и я протянул тебе слабо трепыхающееся существо. Ты взяла его и прижала к животу.

Голуби почти все больны всякой заразой, сообщил я. Орнитоз и другие болезни. Ты поудобнее разместила птенца в складке кофты и прикрыла полами расстегнутой куртки. Из-под пальцев торчала маленькая голова, она глядела на меня и на весь окружающий мир черными, стеклянноплохими глазами.

Он свалился с крыши, повторила ты. У них там гнезда, а он пошел гулять и упал. Немного помолчала, а потом добавила: ночью будут заморозки.

***

Ночью в окно глядела луна. Свет падал на белые простыни, и постель сама превращалась в поверхность ночного светила: с кратерами и горными грядами. Лунный ландшафт непрерывно менялся, кратеры превращались в хребты, на месте ущелий вздымались горные пики. Твои волосы щекотали мне шею и грудь.

Потом мы молча лежали под луной. Или на луне. Переводили дыхание.

— Странно устроен человек, — наконец пробормотал я. — Ему всегда кажется, что реальность, которая его окружает, прочна и незыблема. Что она была всегда, а главное, будет всегда. Вот мне сейчас кажется, что мы знакомы

сто лет. А ведь еще месяц назад я тебя не знал. Тебя не было в моей реальности. И как-то жил... без тебя.

— А теперь в твоей реальности еще и он. Птенец, — ты засмеялась легко, счастливо.

— Да, теперь еще и он. Хочешь, я нарисую тебя вместе с ним?

— Нет, спасибо. Ни с ним, ни без него. Лучше его без меня.

— Кстати, что мы с ним будем делать?

— Мы научим его летать. До наступления холодов. А пока он поживет у тебя.

— Да? А я думал, ты заберешь его к себе. И будешь растить и воспитывать.

Поэзия

*Влажное скончанье лета —
в роце, в тамбуре, в лукошке,*

*мерное скончанье света
по-над полем и в окошке;*

*снежное скончанье века —
сонм снежинок на конверте:
продолженье человека
после всхлипа, после смерти...*

Анатолий КОБЕНКОВ

— До конца октября он должен прибиться к другим голубям. Он почти взрослый. И... я не смогу его взять к себе... растить и воспитывать... — ты замолчала.

В углу комнаты, в коробке из-под старого мольберта, возился пернатый, который был пока еще не очень пернатым. Молчание затягивалось.

— Тебе чуть за тридцать, мне почти пятьдесят, — нарушил я тишину. — Между нами огромный кусок жизни. Но мне почему-то кажется, что мы очень похожи.

Твоя ладонь скользнула по моей руке — язычок светлого пламени на темной ветке.

— Расскажешь о своей дочери, о внуке?

— Да что там... Она была ранним ребенком, мне только двадцать стукнуло. И Генку рано родила. Так что я дедушка со стажем. Дедушка. Слушай, а я ведь ничего о тебе не знаю. Ни где ты живешь, ни где работаешь.

Ты закинула руки за голову.

— А я нигде не работаю, нигде не живу. Так уж вышло.

— Интересно вышло. Может, тебя вообще нет? Может, ты — моя галлюцинация?

— Я не против, — сказала ты, — быть твоей галлюцинацией. Ой, а зато у меня машина есть. Настоящая.

***

Вокруг птичьих глаз краснели ободки голой кожи, от этого взгляд казался злобным, но открытый клюв, непропорционально длинный, с непонятным наростом сверху, придавал злобе комичный оттенок.

Под утро птенец выбрался из коробки и теперь пытался вспорхнуть на диван. Свесив голову, я разглядывал его почти в упор. Он топтался на месте, тянул вверх тощую шею и негромко попискивал.

— У тебя есть пшено? Или манка, — ты выглянула из кухни.

— Хороший вопрос. Глянь по шкафам.

Подошла к нам с птенцом, села на край кровати. На бедрах поблескивали капельки воды. Слизнул одну, ты хихикнула. Я положил голову тебе на колени. Пятнышко, еле заметное, зеленовато-желтое, на сгибе локтя, и маленькая красная точка

в центре синячка. Я поцеловал тонкие запястья, обнял тебя, ухом ловя быстрые удары сердца.

— Вика, Вика, — шептал я, — откуда ты взялась!

Ты с улыбкой высвободилась. Поднялась с кровати.

— Животинку кормить надо.

— Это ты про меня?

— Вот машина, — сказала ты.

Спортивный кабриолет смотрелся открытой раной на боку вечерних сумерек — ярко-алой, свежей, опасной. Я присвистнул.

— Начинаю подозревать, что ты дочь какого-нибудь министра или олигарха.

— Ну что ты, — махнула рукой. — Всегда мечтала о такой машинке. А тут — просто повезло — почти даром досталась.

— Везучая ты, — хмыкнул я. — Только вот зачем тебе машина без верха? В наших широтах. Да еще осенью?

Ты только пожала плечами.

...Ночь обступала слева и справа, где-то за спиной остался город. Свет фар вырывал из тьмы отрезок дорожного полотна, бешеным потоком проносающегося под колесами автомобиля. Твой взгляд был устремлен вперед, по губам бродила мечтательная улыбка. Двигатель глухо рычал; ты что-то пробормотала, я не расслышал. Прибавила газу. Меня вдавило в спинку кресла, ветер взвыл.

— Не гони, — сказал я. — Дорогу не знаешь...

Но ты не слышала. Ветер засвистел еще пронзительней, он хлестал по щекам, выбивал слезы из глаз. Лобовое стекло оказалось никудышной преградой на такой скорости. Рев мотора и вой ветра слились в один протяжный, пробирающий до костей звук. Машину потряхивало, словно самолет на взлетной полосе. Ты мертвой хваткой вцепилась в руль и, кажется, что-то говорила или напевала. Сумасшедшая? Наркоманка? Да какая разница, если твои волосы, отброшенные назад, были похожи на крылья птицы, что летит весело и безрассудно во мрак и неизвестность. Мелькнули знаки — прибли-

Обернулась и чуть наклонилась. И замерла в неловкой позе. По лицу пробежала странная гримаса — выражение детской беспомощности, сменившееся детским же испугом. Мне показалось, что ты сейчас упадешь прямо на меня. Это продолжалось только миг, затем ты выпрямилась, тряхнула мокрой головой и зашлепала в кухню.

***

жался железнодорожный переезд. Отпустила газ, и на миг возникло ощущение, что машина неподвижна, а шоссе, куски ночного пейзажа, выхваченные редкими фонарями, сами фонари, поплыли вперед. После переезда ты съехала на обочину и заглушила мотор.

Было очень тихо. Твое лицо казалось фосфоресцирующей маской — оно отражало зеленоватый свет приборной доски; мне вдруг привиделось, что на твоём лице светится круг спидометра — и показывает он не ноль. Может, не сто восемьдесят километров в час, как пять минут назад, но сотню — не меньше.

— Ты думаешь, что делаешь? — спросил я.

Достала сигареты. Закурила.

— Знаешь, — сказала, — когда я была маленькой, я любила бегать наперегонки с ветром. Я слюнила палец, узнавала, куда он дует, и бежала. Бежала изо всех сил. Мне почему-то казалось, что, если буду бежать по-настоящему быстро, ветер обязательно поймет, чего я хочу. И подует мне в спину. Подтолкнет. Такой большой мягкой ладонью. Поможет. Подхватит. И я полечу. Я мечтала, что ветер будет нести меня над землей, и я поднимусь высоко-высоко и все увижу. Глупо, да?

— Нет, — покачал головой я.

— Глупо, — усмехнулась ты. — Я удивлялась, почему ветер не может догнать и поймать меня. Ведь я такая маленькая, а он же — большой и сильный.

— Мне думается, — помолчав, сказал я, — ветер сегодня очень хотел помочь нам взлететь. И только самой чуточки не хватило, чтобы...

Ты перегнулась через подлокотник кресла, и я ощутил горечь дыма и дорожной пыли на губах.

— Ну, давай! Маши крыльями! Маши!

За месяц птенец окреп, отрастил взрослые перья, а вместе с ними характерные для его племени нахальство и бесцеремонность. За что был выдворен на балкон, где проводил время с утра до вечера.

Октябрь заканчивался. В это воскресное утро на пустыре за домом было решено провести испытательные полеты. И если все пройдет в штатном режиме, то блудный голубь будет возвращен сородичам.

Птиц старался: хлопал крылышками, вспархивал на бетонную крышку коллектора, на крылечко насосной станции, мотался то тут, то там. Генка хохотал как сумасшедший и пытался поймать голубя. Ты, улыбаясь, стояла чуть поодаль.

Утро было ясное, свежее. Ветер кружил сухую листву, нанесенную к зданию с пустыря; солнце поблескивало в пролетающих паутинках, в росе, что выпала на все еще зеленую траву. В твоих темных очках поблескивало сразу два солнца; казалось, что они светят сюда, в октябрьское утро, из ледяного, сумеречного декабря.

— А ты почему такая бледная? — спросили два моих декабрьских отражения, — это мне тебя такую рисовать? Не давалась, отворачивалась, а теперь — пожалуйста, изобрази меня белой-белой и с косой?

Ты, все так же отрешенно улыбаясь, смотрела на меня. А может, куда-то мимо.

День был под стать утру — теплый, светлый. Может быть, последний почти летний день в году. Генка, перед тем как уехать с матерью, строго-настрого наказал проверить — выбрался голубь или нет. Под лестницей птицы не было. Я поднялся, отряхнул одежду и вновь попробовал позвониться до тебя. «Абонент недоступен». Постоял, прислушиваясь к пустоте, появившейся внутри и растущей там, жадно всасывающей сердце, печень и прочие потроха.

— Нет, это ерунда какая-то! — сказал нарочито громко.

До холодов. Научить летать до холодов. Красная точечка. На сгибе. Красный надрез на серой

— Деда, он на стену прицепился! Он вон где — смотри!

Голубь уже вспорхнул с выступа на стене и теперь скакал то вправо, то влево, уворачиваясь от прыгающего, словно молодой козлик, Генки. Я поскакал за ними. Подхватил дрожащее, рвущееся на свободу тельце, поднял к небу — прозрачному у горизонта, ярко-синему в вышине, крутнулся на каблуке и отпустил, чувствуя, как расправляются в налетевшем ветре крылья. Чувствуя, но не видя, потому что под закрытыми веками в такт пульсу бились фиолетово-зеленые солнца, пойманные сетчаткой.

— Деда, деда! Он вон куда залез!

Когда зрение вернулось, я понял, что дело серьезное. Голубь каким-то образом забрался под лестницу насосной станции. Там, под лестницей, было углубление, узкое, заросшее травой, и туда не смог бы пролезть даже такой шкет, как Генка. Голубь-то легко мог сам выбраться наружу, но, видимо, не испытывал особого желания. Я просунул руку, стараясь достать незадачливого летуна, однако это привело к тому, что птенец забился еще глубже.

— Надо его едой выманить.

Я оглянулся. Генка маячил за мной и, наклонившись, пытался разглядеть птичку.

— А тетя Вика... Ген, ты не видел?.. Она что, ушла?

вене ночного шоссе. Слепой полет, оживший ветер. Нигде не живу. Нигде. Ветер, ночь, птенец, точка.

На негнущихся ногах ковыляю мимо пустыря. Придерживаюсь за стену. Она холодная и шершавая. Неожиданно открываю: «Я ведь тоже шершавый и холодный. Я... старый!» Замечаю здорового рыжего котяру. Голова торчит в траве, глаза неотрывно следят за мной. Что ему здесь нужно, почему он так старательно облизывается? Не важно. Не важно. Шаркаю дальше. Янтарный, немигающий взгляд леденит затылок.

Зима отступает, теряет силу. Снегу еще вон сколько, на балконе целый сугроб. Но окна уже

оттаивают, уже видны соседние дома, двор. Небо все больше синее.

Сжимаю в руках почтовую карточку, кручу и так и этак. Сегодня получил.

Тогда, в последнее воскресенье октября, я возился на балконе до поздних сумерек. Ловил свет, ловил блеск твоих светлых глаз, вытягивал из памяти линию плеч и рук, пытался вернуть печально-хмельную улыбку и летящие на ветру волосы.

Я знал только подъезд. Обошел с портретом все квартиры на пяти этажах. На шестом пожилая дама пригласила к себе. Ты снимала у нее комнату. С начала лета и до последнего воскресенья октября. Ты рассказала хозяйке все. Все, что не могла рассказать мне. Жила в другом городе, была замужем за владельцем крупной фирмы. Дети не обзавелись. Твоя тяжелая болезнь, безобразные сцены. Развод. Не самая большая по таким делам сумма отступных. Машину купила непонятно зачем еще летом и продала за неделю до отъезда.

А куда уехала? Хозяйка точно не знала. Куда-то за границу, к операции готовиться. И слава Богу. Так мучилась, бедняжка, на уколах жила.

Я так за нее боялась. Когда машину купила — пришла, смеется. Все, говорит, денежки — ту-ту!

— Зачем же, — говорю, — ты ее купила?

А она хохочет, хохочет, остановиться не может. Так на пол по стенке и сползла.

Я долго искал, но все безрезультатно. По раздобытым адресам и телефонам никто не отвечал. Последняя моя идея — запросы напрямую в профильные медицинские центры — уже самому казалась нелепой. И вот — открытка. Может, тебе передали мое письмо и ты вспомнила прошедшую осень. Вспомнила немолодого художника из провинциального города.

Верчу карточку. Строчки неровные, буквы так и прыгают.

«Я поняла, — пишешь ты, — чтобы взлететь, нужен встречный ветер. Не он должен тебя поймать, а ты его».

Обратного почтового адреса нет, зато в самом низу нацарапан электронный.

С чего бы начать... Гляжу за балконную дверь, хорошо, что стекло оттаяло.

«У меня на балконе сидят сейчас два голубя. Никогда не прилетали, а тут почему-то появились...»

ДЖЕРРИ

День был пасмурный, облака грязной ватой залепили небосвод. Кэб потряхивало на бульжниках, колеса противно скрипели.

— А еще воскресенье называется, — вздохнул Робин.

Его младшая сестра Сьюзи скорчила кислую гримаску, но ничего не сказала.

А папа воскликнул:

— А сейчас мы поедem в Режент-Холл, там сегодня конкурс детских церковных хоров. Выше нос, ребятня!

Робин только головой покачал. Сегодня не просто воскресенье — сегодня последний день перед школой. Последний день, когда еще можно чувствовать себя человеком. И вот на тебе, цирк не работает, там у них какая-то зараза обнаружилась, на лодке тоже не покатались — ждать сво-

бодную посудину пришлось бы целый час, а папа сказал, что у них мало времени, что они должны попасть еще в одно место — и с заговорщицким видом подмигнул. Так вот куда они, оказывается, спешили — на конкурс детских хоров. Тоска смертная. Это ж надо такое придумать. Но что еще ждать от отца, если он у вас — заместитель директора женской гимназии.

Зоомагазин первой увидела Сьюзи.

— Папа, папа, давай зайдem туда! Там непременно есть черепахи! Ой, я так хочу на них посмотреть. Папочка, ну совсем ненадолго!

Сначала детей и их отца встретили запахи, которые производились в изобилии всяческой живностью, обитавшей в двух узких длинных комнатах, составляющих магазин. И только потом, словно бы из ниоткуда возник хозяин — су-

хощавый старик в кожаной жилетке, совершенно лысый и с вислыми седыми усами. В левом ухе у него поблескивала золотая серьга.

Черепахи жили в дальней комнате, и Сьюзи тут же скрылась там — буквально через минуту оттуда послышались ее восторженные ахи и охи. Но Робин едва ли ее слышал — он во все глаза глядел... глядел... О, это было чудо! Белоснежное чудо с роскошным хохолком бледно-розового цвета и могучим черным клювом.

— Большой белохвостый какаду, — сказал хозяин магазина почему-то шепотом.

— Какаду, Робин, могут жить очень долго. Некоторые особи, говорят, доживали до ста лет, — не преминул заметить папа, который всегда старался преподнести детям какие-либо полезные и поучительные сведения даже в свободное время.

— Совершенно верно, сэр, — проскрипел старик. — Но этот какаду — нечто феноменальное. У меня он уже без малого полвека, а если верить его прежнему владельцу, то ему, я имею в виду попу-

гая, сэр, — никак не меньше ста восьмидесяти лет. Он вполне мог сидеть на плече Генри Моргана, когда тот жег испанские колонии в Новом Свете.

И словно в подтверждение его слов, попугай встрепенулся, захлопал крыльями и закричал пронзительно:

— Зар-ряжай! Зар-ряжай! Зар-ряжай! Дьявол вас побери! Зар-ряжай! Зар-ряжай! Чертовы отродья! Зар-ряжай!

Из второй комнаты с весьма заинтересованным видом выглянула Сьюзи.

Папа укоризненно хмыкнул.

— Да! — спохватился старик. — Я — мистер Пленджер, сэр. Хозяин этого зверинца. Чего бы вы хотели для ваших детишек? Канарейку или хомячка?

Папа отрицательно покачал головой.

— Дети, нам пора, — сухо сказал он.

Робин, даже выходя из магазина, не сводил с попугая восхищенных глаз и поэтому едва не упал на пороге.

***

Занятия в школе закончились еще час назад, и Робину, конечно, уже полагалось быть дома. Но дома его не было. Робин снова стоял перед клеткой с огромным попугаем и жадно следил за каждым его движением, чутко вслушивался в каждый звук, издаваемый им.

Какаду перебирал когтистыми лапами по изгрызенной перекладине, хохолок его то поднимался, то опускался.

— Все наверх! — негромко скрипнул он и, склонив голову набок, посмотрел на мальчика.

Робин слотнул слюну. Подумать только, настоящий пиратский попугай. Он, верно, был свидетелем славных битв, что некогда разыгрывались у берегов тропических архипелагов, пережил не один шторм, плывал под трепещущим на ветру Веселым Роджером. А теперь он здесь — перед Робинем, смотрит на него с любопытством. И даже не скажешь, что он такой старый.

— Опускай брамсели! — крикнул какаду.

Робин был уже не здесь, не в полутемной комнате, пропитанной тяжелым духом зверья, он стоял на раскачивающейся палубе, соленый океанский бриз оведал его разгоряченное лицо;

одной рукой он держал штурвал, другой — сжимал рукоять дымящегося пистолета. На плече его восседала прекрасная белоснежная птица.

На плечо ему легла чья-то легкая, почти невесомая ладонь. Робин вздрогнул.

— Я тоже в детстве бредил историями о пиратах. Мечтал отправиться в морское путешествие, да так ни разу и не выбрался с нашего острова.

Хозяин магазина просунул между прутьев клетки руку и взъерошил пух на шее птицы.

— А вот Джеральд многое повидал на своем веку.

— Джеральд, — прошептал мальчик.

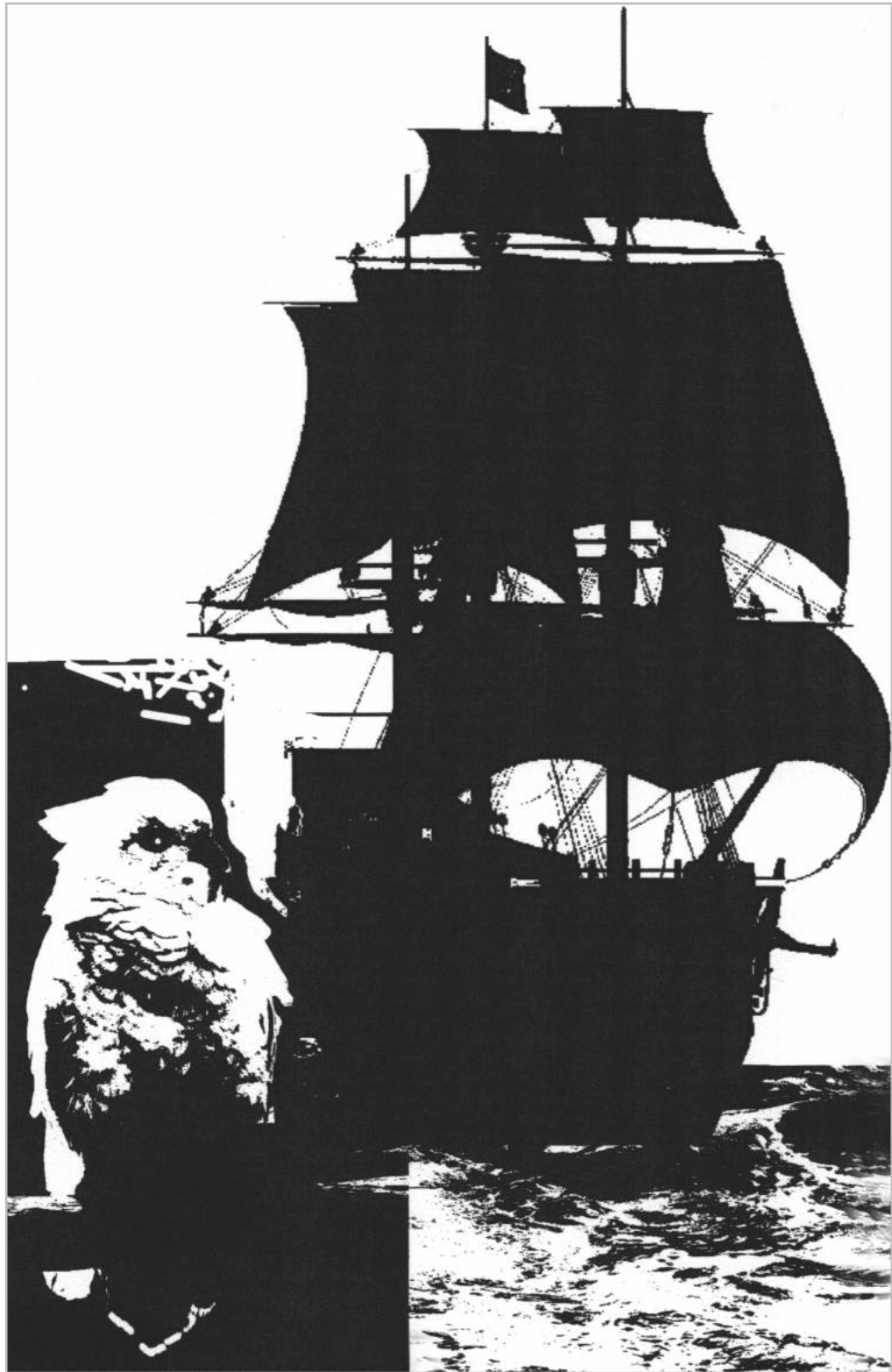
— Для друзей — просто Джерри.

— Сэр, я могу... — Робин замаялся, не зная, как правильно выразиться. Ведь нельзя же сказать «куплю», чудо нельзя купить, — я могу стать его хозяином?

— Боюсь, что нет. Он стоит так дорого, что ты даже представить не можешь.

Робин в волнении схватил хозяина за руку:

— Сэр, я буду копить, у меня уже есть кое-какие сбережения. А еще... еще я бы мог помогать

вам. Папа мне позволит, он говорит, что дети должны приучаться к труду. Только пообещайте, что я смогу когда-нибудь забрать Джеральда!

Старик пожал плечами.

— Ну что ж, раз ты так серьезно настроен, я дам тебе шанс. Если ты без жалованья проработаешь у меня три года, я, так и быть, уступлю тебе

попугая за каких-нибудь двадцать шиллингов. По рукам?

— По рукам! — воскликнул Робин и, выскочив из магазина, как на крыльях помчался домой.

Он бежал, а над ним, в густо-синем, нездешнем небе хлопали паруса, и вольный ветер свистел в снастях.

***

— Мам, а если бы я стал капитаном дальнего плавания и отправился в кругосветное путешествие, ты бы сильно огорчилась? — Робин смотрел на мать, держа в руке ложку с супом.

Мама пожалала плечами.

— Если ты сначала вырастешь и закончишь школу и только потом станешь капитаном, то я ничего не буду иметь против. Морское дело — весьма достойное занятие.

— А если я всю жизнь проживу в нашем городе? И буду продавцом в магазине животных? Тогда как? Это достойное дело?

— И это достойное дело — если ты будешь делать его честно, на совесть. А теперь отправь все-таки эту ложку в рот, милый.

Вечером, когда отец вернулся из гимназии, Робин подошел к нему и рассказал о предложении хозяина зоомагазина. Отец некоторое время молча смотрел на сына. Потом жестом пригласил его к себе в кабинет. Там он некоторое время близоруко всматривался в корешки книг, занявших целую стену — от пола до потолка. Достал одну — черную с золотым тиснением. Полистал.

— Вот. Хм. «Срок жизни какаду, как, впрочем, и других крупных попугаев, достаточно велик. Есть надежные свидетельства того, что некоторые экземпляры доживали до весьма почтенного возраста — пятидесяти и даже семидесяти лет. Возможно, не лишены оснований некоторые истории о попугаях, которые прожили целый век. Но в достоверности таких историй, как правило, трудно убедиться. В любом случае, расхожее мнение о долгожительстве попугаев является сильно преувеличенным. Обычно, в неволе, они живут до тридцати-сорока лет».

Робин, покусывая губу, разглядывал носки своих туфель. Руки он сцепил за спиной.

— Надеюсь, ты понял, к чему я привел эту цитату, Робин, — промолвил отец.

— Да, — мальчик шмыгнул носом, — ты за-прещаешь мне...

— Да нет же! Я хочу сказать, что попугаи не могут жить до ста восьмидесяти лет. А значит, тот какаду из магазина не мог принадлежать Генри Моргану. А что из этого следует, Робин?

— Что, папа?

Отец крякнул, покрутил головой, плотно зажатой высоким накрахмаленным воротничком.

— Из этого следует, что тот пожилой джентльмен, хозяин магазина, ввел нас в заблуждение. Надеюсь, ненамеренно.

Отец поставил книгу на место, прошествовал к письменному столу, уселся в кресло. Нацепил на нос очки.

— У тебя что-то еще? — поверх очков взглянул он на Робина.

— Ну... — Робин ковырял носком туфли пол в кабинете, — так я могу работать у мистера Пленджера в магазине?

— Если это не отразится на твоей успеваемости — можешь.

— А... — Робин взглянул на отца, — если я проработаю у него три года, не получая жалованья, я могу взять Джерри к нам?

— Три года? — отец задумчиво покачал головой. — Пожалуй, да.

Выйдя из отцовского кабинета, Робин проворчал:

— Джерри — не обычный попугай. Он — нечто... как его... фемональное. О, он такого повидал на своем веку!..

Прошел год. Робин честно проводил в магазине мистера Пленджера большую часть свободного времени. Он научился поить птенцов из пипетки, перестал замечать запах хомячков, больше не боялся ужей, что свивали черные шипящие узлы в сухой траве террариума.

Однажды мистеру Пленджеру надо было отлучиться посреди дня, и Робин остался на службе один. Он занимался обыкновенными своими хлопотами, когда в магазин вошел мужчина в мундире капитана торгового флота. Лицо его имело коричневато-красный оттенок, кожу выдували хлесткие морские ветра и безжалостное тропическое солнце.

Нахмурившись, он оглядел помещение.

— А где мистер Пленджер? — пророкотал он.

— Его нет, сэр. Он вернется ближе к вечеру. Здесь только я, — Робин с восхищением разглядывал черную форму с золотыми пуговицами.

— А ты кто?

— Я Робби, его помощник.

Мужчина, потеряв к нему интерес, вновь оглядел магазин.

— Ба! Джерри, ты все еще здесь! — капитан расплылся в улыбке, увидев попугая.

Робин почувствовал, что краснеет, и сам не мог бы сказать отчего.

— Вы его знаете, сэр?

— Знаю ли я?! Да я сам приволок его сюда, когда он был птенцом размером с синицу.

Глаза Робина округлились.

— Но как... ведь ему же сто восемьдесят лет... он же — пиратский...

— Что?! — капитанские брови сошлись на переносице. — Пиратский? Эге, это тебе, наверное, старик Пленджер наплел. Всегда был болтуном и выдумщиком, каких свет не видывал. Наверное, хочет получить за него, — моряк ткнул толстым пальцем в сторону клетки с попугаем, — кругленькую сумму. Да, видать, задирает цену. Этак он его никогда не продаст. Так и помрет птица в этой занюханной лавчонке. Хотя, еще неизвестно, кто помрет первым.

— А... — губы Робина дрожали, — сколько ему, сэр?

МОНЕ

*Как серо и сыро, как мало монет...
Пойду и куплю себе сыра и хлеба,
Немного вина, и покажется мне,
Что истина в Клоде, который Моне.
Не Клод ли писал разноцветное небо?*

*Все в точечках, в черточках
и в бугорках,
Все в трещинках, в пленном
пленительном свете,
Слилось, как сливаются звуки в стихах,
Как сотни ручьев сочетаются в реках.
Сюжет — это свет, он трепещет
в сюжете.*

*Как птицы поют, рисовать он хотел,
Как горный Ван Гога сияющий мел,
Так «пламенно-мягкие» кисти Моне
Сто тысяч оттенков придали весне.*

Елена ДОБРОВЕНСКАЯ

— Кому? А, Джерри? Хм, должно быть, уже двадцать с хвостиком. Значит, эта сухопутная коряга еще не скоро вернется. Жаль, хотел повидать. Ну так скажи ему, что в его гавань заходил шкипер Бронкс. Передай мистеру Пленджеру от меня привет. Бывай, парень!

Капитан, прощаясь, махнул рукой и прошагал к выходу. Робин долго смотрел ему вслед.

— Ах, мистер Пленджер, мистер Пленджер, — только и вздохнул он.

Затем подошел к попугаю. Просунул руку в клетку и погладил птицу. Пощекотал под клювом, провел кончиками пальцев по белоснежному крылу.

— Джерри, Джерри. Я все равно буду тебя любить. И ты будешь моим.

Привет от шкипера Бронкса он не передал.

***

Пролетел еще один год, а потом еще десять месяцев. Робин из тощего и растрепанного мальчишки превратился в высокого юношу с пробивающимся на верхней губе пушком. Теплым июньским вечером он стоял перед клеткой и тихонько говорил:

— Джерри, Джерри! Не огорчайся, старина, лето пролетит быстро. Я помогу дяде на ферме, и он заплатит мне столько, что как раз хватит, чтобы выкупить тебя.

Какаду расправлял крылья и, приоткрыв клюв, внимательно слушал, словно бы понимая, о чем идет речь.

Хозяин магазина стоял за прилавком и задумчиво покручивал ус.

— Роб, если хочешь, можешь забрать его прямо сегодня. Ты заслужил. Можешь даже не платить ничего. Так забирай.

Робин покачал головой:

— Нет, мистер Пленджер, я обещал дяде, что помогу ему. Летом меня в городе не будет, так что пусть Джеральд остается пока у вас. Да и наш уговор не выполнен. Ведь срок еще не вышел. Так что встретимся осенью. И ты, птичка, до встречи в сентябре!

...Однако в сентябре Робин не пришел в магазин. И в октябре. И даже в ноябре.

В один из слякотных предрождественских вечеров мистер Пленджер, закрыв магазин, неспешно шагал домой. По дороге ему повстречалась сестра Робина. За годы службы брата в магазине Сьюзи частенько навещала туда, поглазеть на своих любимых черепах.

— Что же Робин не приходит ко мне? — спросил старик.

— Ах, мистер Пленджер, — затараторила девочка, — Робину теперь не до того. Как он

связался с Нэнси Макхольм, так мы его вообще редко видим. Вечно они вдвоем. То на лодках катаются, то по паркам гуляют. Он так деньгами сорит. Покупает ей и конфеты, и брошки, словно лорд какой. Вы знаете, у родителей Нэнси усадьба рядом с нашим дядей Айзеком, ну в деревне, то есть. Так Робин там с ней этим летом и познакомился. Ну и втюрился, представляете? Я видела их вдвоем за нашим домом. И знаете, что они делали? Они целовались! Представляете? Я все видела, они...

Сьюзи залилась нежным румянцем и закатила глаза. Она явно собиралась поведать старому джентльмену историю о поцелуях во всех подробностях. Но тот движением руки остановил ее.

— Ты все же напомни ему, Сью, о наших зверушках. Передай, что мистер Пленджер очень хочет повидаться с ним. И, если Робин найдет время, я буду рад увидеть его в своем магазине.

— Конечно, мистер Пленджер, я передам, — сказала девочка, провожая взглядом сторбленную фигуру старика.

Робин появился в зоомагазине на следующий вечер. Он растерянно обвел помещение взглядом. На месте были клетки с канарейками и волнистыми попугайчиками, хомячки как прежде возились в своих вольерчиках. Но самой большой клетки не было.

Мистер Пленджер задумчиво глядел в темное окно.

— Он ждал тебя, Роб. Все лето. И осень. Даже покупателям было заметно, как он тоскует. А потом он стал отказываться от еды и... Ведь он был очень, очень старый. Неделю назад Джеральда не стало. Вот так, Роб. Если хочешь, я выплачу тебе все твое жалованье за три года.

Робин упрямо глядел в пол и молчал. Не проронив ни слова, он вышел на улицу, тихо закрыв за собой дверь. Что-то обожгло его щеку, которую тут же принял кусать промозглый декабрьский ветер.

— Мне бы все равно не хватило на него денег, — пробормотал он в подсвеченную

уличными фонарями темноту. — И он не был пиратским. Нет, самый обыкновенный. Зато теперь я знаю, на что мне купить подарок Нэнси.

Вытерев щеку, он решительно распахнул дверь магазина.

***

После того как Робин ушел, получив расчет, мистер Пленджер прошаркал в дальнюю комнату и отомкнул ключом неприметную дверцу в углу. Вошел в маленькое темное помещение. Выкатил из него на свет подставку с затянутой чехлом клеткой. Снял чехол и, поджав губы, уставился на огромную белоснежную птицу.

— Никому мы не нужны, дружище, — сказал старик. — Говорит, тебе не сто восемьдесят, а только двадцать с хвостиком. И что всем этим

пиратским штучкам научил тебя я, а не Генри Морган. Ну и что с того? Ты от этого не хуже. И ведь я совсем уж решил отдать тебя этому мальчугану. Ты скучал по нему, я знаю... Ничего, скоро праздники. Придут другие дети, и я, так и знай, отдам тебя им. Это тебе двадцать с хвостиком, а мне-то уже, ох-хо-хо! Хвостик вырос изрядный. О тебе должен будет кто-то заботиться.

— Зар-ряжай! Зар-ряжай! — закричал Джеральд.

